

Похороны подошли к концу столь поспешно, и тело покойного старого министра прямо на носилках доставили обратно в его особняк.

Что же касается того, кому передать дело — Судебному приказу Дали или Министерству наказаний, — правому премьер-министру предстояло отправиться во дворец и испросить высочайшего соизволения императора.

Спустя полдня наверху был составлен императорский указ, и тело старого министра препроводили в Судебный приказ Дали.

Министр наказаний сидел в главной палате министерства, глядя на промелькнувшего у дверей посланника с указом, холодно усмехнулся и больше не стал обращать на это внимания.

Тело старого министра бережно вынесли и поместили в мертвецкую Судебного приказа Дали, готовясь к повторному вскрытию.

Судебный приказ Дали подчинялся напрямую императорскому дому, не входил в ведомство Шести министерств и не участвовал в фракционной борьбе, поэтому пользовался глубоким доверием императора.

Раз старого министра поместили сюда, значит, это дело намеревались расследовать до конца, обнажив всю правду.

Господин Гао, глава Судебного приказа Дали, сдавал экзамены в один год с министром наказаний. Они вместе прошли через все испытания: один попал в Министерство наказаний, а другой — в Судебный приказ Дали.

Теперь, спустя столько лет, один стал министром наказаний, а другой — главой Судебного приказа Дали. Пожалуй, в этом таилось некое предопределение судьбы.

Когда император внезапно подкинул им труп, да еще какого человека — самого министра обороны, — все чиновники Судебного приказа Дали заволновались, охваченные тревогой.

Проработав в сыскном деле долгое время, порой можно было догадаться о ключевых моментах лишь благодаря интуиции.

Стать жертвой ядовитого умысла для столь высокопоставленного лица, как министр, — не то, с чем справился бы обычный человек.

К тому же старому министру уже перевалило за пятьдесят, и он с детства отличался хрупким здоровьем. Он не был похож на молодых сановников, которые предавались праздности и разгулу, целыми днями околачиваясь на улицах и в переулках с сомнительными личностями и погружаясь в пучину разврата. Круг тех, кто мог отравить его, сужался больше чем

наполовину.

Вдобавок министр Чэнь занял свой пост совсем недавно и никаких крупных дел еще проверить не успел — имя было лишь на бумаге, а реальной власти не ощущалось, не говоря уже о глубокой вражде с кем-либо.

Это невольно создавало для господина Гао сложную задачу.

Расследовать, безусловно, придется, но с чего начать — стоило обдумать самым тщательным образом.

Глядя на безмятежное лицо уже ушедшего в мир иной старого министра, господин Гао слегка наклонился, отвесил поклон и тихо произвел:

— Старый господин, идите с миром. Ваш покорный слуга непременно восстановит справедливость и прояснит правду.

Когда Цзинь Линьюэ получил весть о смерти старого министра, он сидел на постоянном дворе и выводил кистью письмо. Стоило ему приподнять голову и написать слова брата Минъюня, как до него дошла новость о кончине министра Чэня.

Рука, державшая кисть, замерла. Цзинь Линьюэ смутно почувствовал неладное, и в груди на мгновение поднялось необъяснимое раздражение.

Министр общественных работ, получивший такое же известие, уже прибыл в комнату Цзинь Линьюэ.

Обменявшись вежливыми любезностями, они принялись оплакивать министра Чэня.

Из столицы также пришла воля императора: на юго-западе сложилась чрезвычайная ситуация, и затягивать путь нельзя.

Смысл сказанного сводился к тому, что с последним вздохом министра Чэня увидеться, судя по всему, уже не удастся.

— Управляющий Цзинь, вы несли службу изо дня в день и виделись с министром Чэнем дольше других. Неужели его здоровье и вправду было настолько никуда не годным? Прошло всего несколько дней, и вдруг... Ах, как же превратна судьба.

Цзинь Линьюэ печально промолвил:

— Министр Чэнь и впрямь страдал от болезней и слабого здоровья, но столь внезапный уход вызвал у вашего покорного слуги крайнее удивление.

— Непостоянство царит в этом мире... Всякая слава да богатство — с собой ни забрать, ни унести. Лишь пока в тебе теплится дыхание, можно сполна насладиться мирским великолепием, иначе всё это — не более чем луна в воде да цветы в зеркале. Поглядите-ка на меня: я и сам уже стар, вот и преисполнился столь унылыми мыслями об увядании. А вы, управляющий Цзинь, еще молоды, вам, конечно, чужды мои пессимистичные сетования на жизнь. Отдыхайте как следует, а вскоре нам снова в путь.

Проводив министра Ци со всеми почестями, Цзинь Линьюэ вернулся к столу, взглянул на три выведенных на бумаге иероглифа, подумал так и этак, скомкал лист и бросил его в стоявший рядом таз с водой.

Тушь расплылась в чистой воде. Прозрачная до самого дна вода покрылась легкой вуалью, превратившись в незавершенный пейзажный свиток, отразившийся в небольшой чаше.

Прислонившись к окну, Цзинь Линьюэ вглядывался в квадратный клочок неба снаружи, а в сердце его закралось дурное предчувствие.

Смерть министра Чэня, должно быть, не столь проста.

После тщательнейшего повторного вскрытия судмедэксперт Судебного приказа Дали наконец установил причину смерти министра Чэня.

Это и впрямь было отравление.

Причем яд этот не относился к числу тех, что можно запросто встретить в Государстве Шэньцзинь.

Эксперт держал в руках пиалу с чистой водой, вооружившись серебряной иглой, и расположился возле крысиной клетки.

— Господин, яд, которым отравили министра Чэня, не имеет ни цвета, ни запаха. Даже если проверять серебряной иглой, никаких подозрений не возникнет. Взгляните сами. — С этими словами он вытащил серебряную иглу, вонзенную в руку министра Чэня, и поднес ее к глазам господина Гао. — Серебряная игла до сих пор не изменила цвет, так что обычными способами этот яд и вправду обнаружить непросто.

Господин Гао взял иглу и внимательно рассмотрел ее при свете свечи: никаких отклонений действительно не было.

— Тогда как доказать, что это было отравление? Неужели полагаться лишь на черную кровь?

Эксперт покачал головой, забрал иглу обратно, уколол ею палец министра Чэня, выдавил две капли черной крови в чистую воду и пару раз помешал иглой — чистая вода слегка потемнела

и помутнела.

Затем эксперт поймал маленькую крысу из клетки, влил ей в пасть несколько капель потемневшей воды из пиалы и водворил обратно.

Все трое медленно приблизились к клетке и наклонились, чтобы понаблюдать.

Сначала зверек шустро прыгал по клетке, силясь прогрызть дверцу и сбежать.

Внезапно забравшаяся на верхний прут крыса вытянула хвост стрункой, завалилась набок и замерла без движения.

Ее маленькие глазки в упор смотрели на защелку почти открытой дверцы, выражая крайнее разочарование.

Присутствующие были глубоко поражены.

Всего две капли крови — и действие оказалось столь стремительным!

Кто же дошел до такой жестокости, чтобы отравить перешагнувшего порог старости, ни на что уже не годного старого министра?

Десятый раздел

Судебный лекарь собрал все свои инструменты и вместе с господином последовал в одну из боковых комнат Судебного приказа Дали.

— Господин Гао, подобное ядовитое вещество вряд ли водится в нашем Государстве Шэньцзинь. Мне довелось лишь однажды услышать от одного коллеги, что на свете существует яд без цвета и запаха: серебряная игла его не распознает, но стоит ему попасть в кровь — и смерть наступает мгновенно, разительно быстро. Я предполагаю, что это как раз тот самый яд, о котором он говорил.

Заложив руки за спину, господин Гао начал из стороны в сторону мерить шагами тесную комнату и на ходу бросил:

— А знает ли тот коллега название этого яда и откуда он берется?

Эксперт ответил:

— Помнится, он сказывал, что имя этому яду Цуньсинь, и прибыл он из соседнего с Государством Шэньцзинь Государства Циньвэй. Если господину потребуется, завтра я могу

пригласить того знакоца в Судебный приказ Дали, и вы сами сможете у него всё расспросить.

— Хорошо, тогда побеспокою тебя съездить за ним. Время уже позднее, ступай отдыхать. И еще...

Эксперт всё понял с полуслова:

— Господин, не извольте беспокоиться. Стоит мне покинуть Судебный приказ Дали, как об осмотре тела министра Чэня я не пророню ни единого звука.

— Что ж, благодарю за труды.

Государство Циньвэй?

Господин Гао еще долго стоял в пустой комнате один, не замечая, как ночной ветер треплет его черные как смоль волосы и полы одежды.

Вдруг с крыши донесся шорох.

Не успел господин Гао отдать приказ, как дежурившие во дворе стражники уже оттолкнулись от опорных столбов галереи, взмыли на крышу и завязали погоню за незванным гостем.

Брови господина Гао слегка сошлись на переносице: за последние годы в Судебном приказе Дали не водилось мелких воришек, с чего бы сегодня объявился столь безумный смельчак, решившийся с таким риском ночью шпионить за Судебным приказом?

Это лишь лишний раз доказывало, что причины смерти министра Чэня опучканы густой паутиной множества связей.

В этот момент господин Гао даже немного соскучился по министру наказаний.

Будь он здесь, у них наверняка уже появились бы хоть какие-то зацепки, и не пришлось бы так ломать голову.

В вопросах расследований он в глубине души искренне восхищался министром наказаний.

Им уже доводилось совместно вести несколько громких дел, и решительный, молниеносный стиль работы министра наказаний до сих пор вызывал у господина Гао тайное восхищение.

А главное — будь они сейчас в Министерстве наказаний, тот лазающий по крышам воришка уж точно не смог бы уйти от погони.

Изнуренный заботами, господин Гао проворочался без сна всю ночь.

Лишь на следующий день судебный лекарь привел к нему молодого парня примерно своих лет, который опустился на колени перед главным залом Судебного приказа Дали.

Это и был тот самый знавший о яде Цуньсинь эксперт.

Господин Гао долго и подробно допрашивал его, и помимо ужаса перед коварством яда Цуньсинь, его еще больше заинтересовало происхождение этой отравы.

— Отвечая господину: этот яд по имени Цуньсинь начал просачиваться в Столицу лишь в последний год. Маленький человек столкнулся с ним случайно, а потому обратил чуть больше внимания.

— Вот как? И где же ты с ним столкнулся?

— Докладываю господину: в Ресторане Цзюйфэн.

Подумать только! Туда заходят сплошь сановники да знатные господа — как же там подступиться к делу?

Император в последнее время был не в духе: череда крупных происшествий не принесла ему ни единой отрадной вести, а потому к кадровым перестановкам, назначениям и отстранениям чиновников он относился без прежнего рвения, переложив все полномочия на министра чинов Бай Юйхуэя.

До тех пор пока дело не касалось чинов выше третьего ранга, можно было не докладывать вверх: сперва назначать, а уже потом доносить.

Раньше обязанности Бай Юйхуэя сводились к отбору достойных кандидатур и представлению их на глаза императору для принятия окончательного решения.

Стоило же императору предаться лени, как объем работы у Бай Юйхуэя мгновенно удвоился.

В этот момент на его письменном столе громоздилась стопка свитков выше подставки для кистей, ожидая, пока он изучит каждый из них.

Когда начальник стражи Судебного приказа Дали вошел в кабинет, Бай Юйхуэй подумал, что это подчиненные принесли ему новые дела, и, даже не поднимая головы, бросил:

— Положите на стол и можете идти.

Начальник стражи почтительно поклонился и произвел:

— Мы по приказу главы Судебного приказа Дали господина Гао просим министра Бая соизволить проследовать с нами. Просим оказать содействие.

Бай Юйхуэй при этих словах замер.

Не меньшее удивление испытал и заместитель Ли, который заглянул к нему в гости, зажав в зубах банановую кожуру.

Что? Судебный приказ Дали вызывает министра Бая? Ты уверен, что не расслышал? С чего бы это вдруг его вызывать среди бела дня?

Начальник стражи вновь почтительно повторил:

— Просим вас сменить место пребывания, господин.

Бай Юйхуэй вывел последнюю черту, аккуратно положил кисть, свернул свиток, поднялся, разгладил помятый пододник, обошел стол и произвел:

— Ведите.

Заместитель Ли в один присест затолкал половину банана в рот, надул щеки и схватил Бай Юйхуэя за рукав:

— Брат Бай, неужто ты не станешь спорить? Вот так просто и пойдешь?

Бай Юйхуэй утешил его:

— Ничего страшного, хотят лишь о кое о чем расспросить. Судебный приказ Дали — не место для бесчинств, ровно как и ваше Министерство наказаний. Не беспокойся.

Точно, надо отправиться к министру наказаний. Заместитель Ли моргнул, хлопнул Бай Юйхуэя по тыльной стороне ладони и произнес:

— Верно, наше министерство наказаний всегда строго соблюдает законы и требует с себя по всей форме. У Судебного приказа Дали дела обстоят наверняка не хуже, так что просто говори как есть.

Едва покинув министерство чинов, заместитель Ли тут же помчался обратно в министерство наказаний.

Не успев даже переступить порог, он уже всюду голосил:

— Господин, беда! Министра Бай забрали в Судебный приказ Дали!

Порог в министерстве наказаний был чуть выше, чем в других ведомствах — аккурат для того,

чтобы спотыкались всякие зеваки.

Например, такие как заместитель Ли, плашмя распластавшийся на полу и истошно вопивший.

Поднявшись с земли, заместитель Ли наконец разглядел, что на главном месте восседает вовсе не их министр наказаний, а... левый премьер-министр.

Заместитель Ли, от природы не признающий никаких условностей, всякий раз при виде левого премьер-министра чувствовал себя так, будто тот готов проглотить его целиком.

И хотя их министерство наказаний было верной опорой левого премьер-министра, трепет перед ним никогда не уменьшался ни на йоту.

Поспешно отдав приветственный поклон, он доложил слово в слово:

— Докладываю вашему сиятельству премьер-министру: ваш покорный слуга только что услышал, что министра чинов, министра Бая, вызвали в Судебный приказ Дали. Я как раз собирался вернуться и доложить нашему господину министру, чтобы мы могли заранее всё обдумать.

Левый премьер-министр откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза, а четки в его руках безостановительно перебирались.

Спустя мгновение раздался властный голос левого премьер-министра:

— Обдумать? Что именно ты собрался обдумывать?

Заместитель Ли испуганно вздрогнул и с замиранием сердца ответил:

— Разумеется... поскорее вытащить его из Судебного приказа Дали.

— Хм, глупости. Судебный приказ Дали и министерство наказаний служат одному императору. Вызвать подозреваемого — дело более чем привычное, с какой стати тебе лезть в это? Или тебе кажется, что храм министерства наказаний слишком мал и уже не вмещает заместителя Ли?

Заместитель Ли торопливо опустился на колени и признал свою вину:

— Ваше сиятельство изволит шутить. Ваш покорный слуга вовсе не это имел в виду. Просто я подумал, что министр Бай и мы — все вместе...

Заместитель Ли хотел было сказать: все вместе служим вам, премьер-министру, но, подняв глаза и заметив, что четки в руках господина премьер-министра на мгновение замерли, торопливо поправился:

— Все мы служим императору, и мне захотелось протянуть ему руку помощи, не более того, никаких иных мыслей у меня не было.

Левый премьер-министр гневно швырнул четки на стол и пригрозил:

— Предупреждаю: министерство наказаний не должно вмешиваться в это дело ни на йоту, чтобы все вы зарубили это себе на носу.

Министр наказаний сложил руки в почтительном жекте и отозвался:

— Есть.

Заместитель Ли стоял на коленях, совершенно сбитый с толку.

Разве они не в одной лодке?

Дождавшись, пока министр наказаний проводит левого премьер-министра и вернется в главный зал, он обратился к по-прежнему ошеломленному заместителю Ли:

— Вставай. Раз все уже ушли, толку от твоих коленопреклонений нет.

— Господин, неужели мы действительно останемся в стороне и ничего не предпримем? Речь ведь идет о министре Бае.

— Сначала встань. Если министр Бай чист перед законом, Судебный приказ Дали не станет чинить ему препятствий. Но если он действительно замешан, закрыть на это глаза не сможет никто. Ты ведь тоже служишь в ведомстве, неужели мне нужно растолковывать тебе элементарные вещи?

Заместитель Ли, почесывая затылок, поднялся с пола и озадаченно спросил:

— Какое же преступление совершил министр Бай, раз его препроводили в Судебный приказ Дали?

— Ты слышал о вчерашних похоронах министра Чэня?

Заместитель Ли кивнул. О столь громком событии уже гудели все вокруг: каждый знал, что министр Чэнь, скорее всего, умер не от болезни и на то имелись иные причины. Но какое отношение это имело к министру Баю?

— Выяснилось, что министр Чэнь скончался от отравления ядом. Причем яд этот происходит из Ресторана Цзюйфэн.

Прежде чем Судебный приказ Дали вызывал министра чинов, разумеется, следовало уведомить об этом императора — всё-таки речь шла не о какой-то мелкой сошке, так что требовалось соблюсти процедуру, дабы впоследствии не возникало неловких ситуаций.

По стечению обстоятельств, в момент доклада господина Гао левый премьер-министр как раз находился там, так что он узнал о подозрениях в адрес министра Бая раньше всех, если не считать самого Судебного приказа Дали и императора.

Зная, что оба чиновника из министерства наказаний тесно дружат с министром Баем, и опасаясь, что те поддавшись эмоциям совершат глупости и дадут право правому премьер-министру зацепиться за них, левый премьер-министр решил опередить всех и лично явиться с предупреждением.

Судя по всему, он явился как раз вовремя.

Заместитель Ли, не желая сдаваться, допытывался у министра наказаний:

— С чего бы в Ресторане Цзюйфэн взяться яду? Мы же постоянно ходим туда выпить. Если уж находиться там — значит автоматически вызывать подозрения, то я подхожу под них ничуть не меньше: в какой из наших походов по питейным заведениям он обходился без меня?

— Три дня назад вечером ты был в Ресторане Цзюйфэн? — холодно спросил министр наказаний.

Заместитель Ли, поломав голову и долго вспоминая, ответил:

— Нет.

— А вот министра Бая там видели. И он был один.

Бай Юйхуэй препроводили обратно в Судебный приказ Дали в сопровождении целой процессии.

Судья Судебного приказа Дали, господин Гао, восседал в главном зале. Дождавшись, пока Бай Юйхуэй совершит положенный поклон, он неторопливо начал:

— Три ночи назад, министр Бай, где вы находились в этот час?

Бай Юйхуэй на мгновение задумался и ответил:

— Меня не было в поместье.

— Куда же вы отправлялись? Есть ли у вас свидетели?

Бай Юйхуэй поразмыслил, покачал головой и произнес:

— Я просто прогуливался, и никаких свидетелей у меня нет.— Вы бывали в Ресторане Цзюйфэн?

— Бывал.

— Обедали?

— Нет.

— А что же вы там делали?

— Забирал вещь.

— О? Какое совпадение! И что же за вещь изволил забирать господин министр?

Относительно всех тех бурных беспорядков, что поднялись после похорон министра Чэня, Бай Юйхуэй, как бы ни старался закрывать глаза и уши на происходящее за окном, всё же знал в общих чертах.

Обладая острым умом, он догадался, что, возможно, кто-то погубил господина Чэня, и раз уж его самого нынче препроводили в Судебный приказ Дали, это определенно связано с тем делом.

Бай Юйхуэй закрыл глаза и погрузился в раздумья, в мыслях его пронеслись тысячи соображений.

Поскольку Бай Юйхуэй хранил молчание, господин Гао не мог с ходу определить, является ли тот главным виновником убийства министра Чэня, а потому оставалось лишь заключить его под стражу в темницу Судебного приказа Дали и ждать нового допроса.

Переодевшись в простую арестантскую робу, Бай Юйхуэй тихо сидел в камере, глядя на слабый лучик света в крошечном оконце, и негромко усмехнулся.

Уж он-то лучше кого бы то ни было знал, причастен ли к гибели министра Чэня.

Всё это было чьей-то западней, хотя чьей именно — он пока не ведал.

Однако он был уверен: очень скоро тот, кто расставил ловушку, явится к нему с предложением.

В тюрьме царил полумрак, и время здесь, казалось, тянулось куда медленнее, чем снаружи.

После двух нехитрых трапез Бай Юйхуэй встретил первого посетителя.

Им оказался правый премьер-министр.

— Старик знает, что тебя оговорили.

— Благодарю вас за доверие, господин премьер-министр.

— И всё же, на сей раз старик не намерен вмешиваться в это дело, ты должен понимать.

— Благодарю за откровенность.

— Изначально ты и сам собирався отойти от дел при дворе, так воспользуйся же этим случаем, чтобы просто скрыться из виду. — Холодный голос правого премьер-министра отражался от ледяных стен, и от проникавших в уши Бай Юйхуэя слов веяло еще большим холодом.

— Премного благодарен за проявленную заботу.

Проводив правого премьер-министра, который от начала и до конца не удостоил Бай Юйхуэя ни единым взглядом, в камеру тихонько проскользнула молодая девушка в розовом плаще с капюшоном.

Только и было слышно, как провожавший её тюремщик почтительно произнес:

— Княгиня Аньпин, прошу сюда.

Княгиня Аньпин — любимая дочь Аньпин-хоу, окруженная всевозможной заботой маркиза, шестнадцати-семнадцати лет от роду, в самом расцвете для сватовства.

С лица и возрастом не хуже цветка, она привлекала толпы знатных юношей и княжичей, ходивших за ней по пятам, однако сама втайне была влюблена в молодого министра чинов Бай Юйхуэй.

Большим секретом это не являлось: в конце концов, княгиня Аньпин с завидной регулярностью садилась в карету собственного поместья и открыто, не таясь, отправляла в особняк министра различные подарки.

Многие жители столицы неоднократно это видели.

Бай Юйхуэй сидел на циновке из соломки и через решетку камеры улыбнулся княгине:

— Зачем княгиня пожаловала сюда? Не боитесь ночью кошмаров?

Семнадцатилетняя девчонка заявила поздним вечером в столь мрачное, пропитанное зловещей ци место, где к тому же со всех сторон доносились смутные стоны и вопли — от одного этого звука мороз по коже драл от кончиков пальцев ног до макушки, так что не потерять сон по возвращении домой было мудрено.

Княгиня Аньпин опустила на землю принесенную с собой шкатулку с едой, подняла красивое личико и произнесла со слезами в голосе:

— Братец Минъюнь, я слышала, что на суде ты даже не попытался себя оправдать! Как ты мог не защищаться? Да кто при дворе сравнится с тобой в красноречии? Раз ты так легко соглашаешься со всеми обвинениями и готов принять наказание, неужели ты планируешь... позволить Судебному приказу Дали вынести тебе приговор? Но ради всего святого, почему?

Бай Юйхуэй не ожидал, что юная девушка разглядит его истинный замысел, и даже удивился.

С улыбкой он ответил:

— Княгиня поистине повзрослела и стала смотреть на вещи куда шире. И верно, почему же? Да я и сам не знаю, наверное, просто надоело быть чиновником.

Лицо княгини слегка порозовело, она так теребила в руках платок, что тот едва не распустился на нитки, и тихо проговорила:

— Если тебе надоела эта служба, ты мог бы... мог бы стать зятем в нашем поместье... Ты ведь должен... знать о моих чувствах к тебе.

Бай Юйхуэй с ласковой усмешкой ответил:

— Благодарю за добрые помыслы, княгиня, я ценю их. Только вот, как я уже говорил, пара из меня никудышная, так что прошу вас не тратить на меня время и не губить понапрасну лучшие годы.

— Да ты... неужели я во всём тебе не мила?

Бай Юйхуэй слегка поджал губы и произнес:

— Я не люблю женщин.

Вот это удар!

Когда княгиня Аньпин выходила из тюрьмы, вид у нее был такой, будто ее громом поразило.

Ступая дрожащими ногами, придерживаемая у входа служанкой, она забралась в карету и всю дорогу прокручивала в голове слова Бай Юйхуэя про то, что он не любит женщин, пытаясь понять, имеют ли они тот самый смысл, о котором она подумала.

Ей доводилось кое-что слышать о пристрастии к драконьим утехам в Государстве Шэньцзинь.

Просто до сих пор это касалось других людей, и она воспринимала такие слухи как праздные сплетни.

Но чтобы человек, в которого она влюблена, заявил ей в лицо, что он не любит женщин?

Княгине Аньпин казалось, что ее мир рухнул.

<http://bllate.org/book/21823/2259732>